

На правах рукописи

Украинчик Алевтина Владимировна

ИСПОЛНИТЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва, 2021

Работа выполнена на кафедре уголовного права в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Российский государственный университет правосудия»

- Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор
Пудовочкин Юрий Евгеньевич
- Официальные оппоненты:** **Бавсун Максим Викторович**
Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», заместитель начальника по научной работе
Мелешко Денис Анатольевич
кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)», доцент кафедры уголовного права
- Ведущая организация:** ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Защита состоится «1» июня 2021 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 170.003.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» по адресу: 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, ауд. 910.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

Диссертация и автореферат размещены на официальном сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» по адресу <http://www.rgup.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е.В. Рябцева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования определяется потребностью в развитии научных знаний об исполнителе как одном из соучастников преступления. Соучастие является одним из наиболее сложных уголовно-правовых институтов, многие параметры которого непосредственно связаны с характеристикой признаков исполнителя и выполняемой им при совершении преступления роли. Понимание значимости исполнителя определяет соотношение элементов акцессорной и персональной ответственности в конструкции соучастия, от которого зависят правила квалификации действий всех соучастников и отграничение этого института от иных уголовно-правовых явлений.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в ч. 2 ст. 33 впервые сформулировал развернутое определение исполнителя преступления как вида соучастника. Эта нормативная дефиниция является итогом предшествовавших научных дискуссий и отражает накопленный к сегодняшнему дню опыт противодействия групповым преступлениям. Вместе с тем, она порождает ряд значимых для современной практики вопросов, которые не находят пока однозначного решения. Среди них: значение признаков субъекта преступления в понятии исполнителя; пределы акцессорности в нормативной конструкции соучастия; отграничение исполнительских действий от действий иных соучастников преступления, особенно в свете тенденции самостоятельной криминализации последних; соотношение соучастия и посредственного исполнения преступления, границы и объем действий соисполнителей преступления и др.

Анализ практики применения уголовного законодательства свидетельствует, что суды испытывают значительные сложности в разрешении этих вопросов, что отражается в квалификационных решениях и допускаемых при этом ошибках. Согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, только за совершение преступлений в составе преступных групп (как они понимаются ст. 35 УК РФ), в стране ежегодно осуждается свыше 90000 человек, что составляет в среднем 13,5% от общего числа осужденных. Эти данные не учитывают лиц, совершивших преступление при иных формах соучастия (в частности, в сложном соучастии с распределением ролей, при соисполнительстве). В целом по экспертным

оценкам около 40% всех преступлений совершается в соучастии (по некоторым видам преступных посягательств этот показатель доходит до 80%). При этом, как показывает проведенный анализ, не менее половины приговоров, вынесенных по признакам совершения преступления в соучастии, обжалуется именно в связи с теми или иными особенностями применения данного института, и около 5% приговоров изменяется в связи с неправильным применением соответствующих уголовно-правовых норм.

Эти данные подтверждают наличие социальной востребованности современных научных разработок проблем квалификации соучастия в преступлении, в том числе и квалификации действий исполнителя, как их неотъемлемой части. Практика нуждается в последовательной и непротиворечивой, доктринально обоснованной и ориентированной на нужды правоприменения концепции соучастия, в рамках которой был бы разработан комплекс положений, определяющих признаки, роль и значение исполнителя преступления.

Степень разработанности темы диссертации. Отечественная наука всегда уделяла уголовно-правовой характеристике исполнителя повышенное внимание. Фундаментальные вопросы темы раскрыты в работах, посвященных институту соучастия в преступлении, которые были подготовлены А.А. Арутюновым, Ф.Г. Бурчаком, Г.А. Кригером, М.И. Ковалевым, А.П. Козловым, Г.Е. Колоколовым, П.Ф. Тельновым, А.Н. Трайниным и др. Проблемы квалификации действий соучастников преступления изучались также М.В. Бавсуном, Н.В. Баранковым, В.В. Васюковым, Д.С. Дядькиным, У.Э. Лыхмус, Д.А. Мелешко, В.С. Прохоровым, Р.С. Рыжовым и др. Уголовно-правовая характеристика исполнителей преступления была предметом непосредственного анализа в диссертационных исследованиях О.Л. Цвиренко (2005), В.Г. Усова (2006), М.А. Саблиной (2016).

Вместе с тем, разработанность проблемы нельзя признать достаточной. В литературе отсутствует решение либо представлено противоречивое решение таких вопросов, как установление границ акцессорности в институте соучастия и определение степени зависимости ответственности соучастников от уголовно-правовой оценки действий исполнителя преступления; уточнение функциональной роли исполнителей преступления в свете определения границ объективной стороны

преступного деяния; уголовно-правовая оценка физического и интеллектуального господства над деянием; разграничение случаев непосредственного совершения преступления и участия в совершении преступления; соотношение посредственного причинения и соучастия в преступлении; уголовно-правовая оценка действий соисполнителей преступления. Эти и некоторые иные аспекты теории соучастия в своей совокупности образуют комплекс взаимосвязанных проблем, требующих своего решения и потому дополнительно актуализирующих избранную тему.

Объектом диссертационного исследования определены уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с фактом совершения исполнителем преступления в соучастии.

Предмет диссертационного исследования – принципы и нормы УК РФ, определяющие понятие и признаки исполнителя преступления, теоретические конструкции видов исполнительства и их отражение в законодательстве, проблемы уголовно-правовой квалификации действий исполнителей преступления.

Цель диссертации состоит в обосновании нового подхода к пониманию признаков, видов и функциональной роли исполнителя преступления и аргументации на этой основе логически цельной теоретико-прикладной концепции уголовной ответственности исполнителя.

Достижение поставленной цели обусловило постановку и решение следующих **задач**:

- на основе критического анализа представленных в науке подходов к определению понятия «исполнитель» уточнить и конкретизировать его признаки;
- исходя из функциональных особенностей деятельности исполнителя, провести отграничение исполнительских действий от деяний иных соучастников;
- решить вопрос об объеме исполнительских действий в контексте выполнения исполнителем нескольких функций в преступлении;
- уточнить значение результатов уголовно-правовой оценки действий исполнителя преступления для констатации наличия соучастия и его квалификации;
- решить проблемные вопросы толкования и квалификации действий исполнителей, соисполнителей и посредственных исполнителей.

Правовой основой диссертации выступают:

- положения Конституции Российской Федерации, определяющие основы и пределы уголовно-правового регулирования;

- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ.

Сравнительно-правовые аспекты исследования обеспечены изучением положений уголовного законодательства ряда зарубежных стран (США, ФРГ, Австрии, Голландии, Дании, Испании, КНР, Швейцарии, Швеции, Эстонии).

Историко-правовые аспекты темы исследованы на основе анализа положений отечественного уголовного законодательства XIX – XX веков.

Теоретическую базу диссертации составили: учение о соучастии в преступлении, развитое в трудах Ф.Г. Бурчака, Р.Р. Галиакбарова, М.И. Ковалева, А.Н. Трайнина, П.Ф. Тельнова и др.; учение о квалификации преступлений, разработанное А.В. Бриллиантовым, Н.Ф. Кузнецовой, А.В. Наумовым, А.А. Пионтковским, Ю.Е. Пудовочкиным, А.И. Рарогом и др.; учение о субъекте преступления, созданное Н.Г. Лейкиной, В.Г. Павловым, С.В. Шевелевой и др.

Эмпирическая основа исследования включает в себя:

- постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации (в общей сложности 10 документов) по вопросу о конституционности отдельных положений УК РФ и УПК РФ, устанавливающих правила об ответственности за отдельные виды преступлений и соучастия в них;

- Постановление Европейского суда по правам человека от 25.03.1999 г. по делу Пелисье (Pelissier) и Сасси (Sassi) против Франции;

- данные, полученные при изучении судебной статистики, аккумулярованные Судебным Департаментом при Верховном Суде РФ за период с 2010 по 2019 годы, и отражающие динамику судимости за преступления, совершенные в группе лиц;

- итоги анализа постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам, относящимся к теме исследования (15 постановлений);

- материалы обобщения опубликованной судебной практики Верховного Суда РФ, обзоры кассационной и надзорной практики Верховного Суда РФ, а также постановления Президиума и определения Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам (2000 – 2019 г.);

- данные, полученные при изучении материалов 227 уголовных дел и приговоров, вынесенных в отношении 358 исполнителей, совершивших преступление в соучастии с иными лицами, в период с 2005 по 2019 годы (изучение материалов осуществлялось непосредственно в судах Ставропольского края, Краснодарского края и Ростовской области, а также с применением компьютерных средств поиска информации в иных регионах России);

- итоги экспертного опроса, в котором приняло участие 126 практикующих специалистов (в том числе 35 судьи, 27 работников аппарата судов, 33 прокуроров, поддерживающих обвинение в судах, и 31 следователь Следственного комитета РФ).

В процессе сбора и анализа источников первичной научной информации использован также личный опыт работы автора в качестве судьи Ленинского районного суда г. Ставрополя и Ессентукского городского суда Ставропольского края.

Методологической основой диссертации выступает совокупность философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность и историзм в изучении проблем уголовной ответственности исполнителей преступлений. Работа основывается на требованиях системного подхода, который позволил уточнить место исполнителя преступления в системе института соучастия и в системе иных правовых норм об ответственности за совершение преступления, а равно проанализировать положения ч. 2 ст. 33 УК РФ как выражение системы законодательных положений, раскрывающих понятие исполнителя. Диссертация базируется на применении таких методов научного анализа, доказавших свою эффективность при проведении уголовно-правовых исследований, как документальный, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, экспертный опрос, метод сводки и группировки данных.

Научная новизна диссертации состоит в уточнении и развитии объективной теории исполнительства, учитывающей специфику функциональной роли исполнителя при совершении преступления в соучастия. Новизной характеризуются, в частности:

- разрешение существующего противоречия в понимании признаков исполнителя преступления, вызванное применением различных доктринальных концепций исполнителя к различным формам соучастия;

- идея о необходимости признания руководства исполнением преступления при любой форме соучастия проявлением исполнительских действий;

- корреляция между описанием действий исполнителя в современном УК РФ и известной дореволюционному праву классификацией исполнителей на «виновников» первой и второй степени;

- дифференцированная оценка действий исполнителя второй степени в контексте их отграничения от пособнических действий, уточненные критерии разграничения этих видов соучастников;

- тезис о недопустимости перекалфикации содеянного с исполнительства на иные виды участия в ситуации, когда действия по организации, подстрекательству и пособничеству не были описаны в предъявленном лицу обвинении;

- ограничения принципа акцессорности в виде имеющих личный характер обстоятельств, влияющих на квалификацию действий исполнителя или устраняющих ответственность исполнителя, в том числе оправдательного приговора в отношении исполнителя, наличия у него специальных признаков, характеризующих вину и личность;

- содержание такого вида исполнительских действий, как «непосредственное совершение преступления» и интерпретация двух его основных признаков: «личное выполнение» и «деяние, образующее элемент объективной стороны»;

- выявленные особенности деяния и причинной связи при соисполнительстве, разграничение на этой основе соисполнительства и параллельного исполнительства, правила квалификации присоединяющейся деятельности;

- толкование признаков посредственного исполнения, основанное на авторской интерпретации понятия «свободная воля», в рамках которого допускается возможность посредственного причинения при наличии вины фактического исполнителя.

Положения, выносимые на защиту:

1. *Теоретическая несостоятельность произвольного совмещения элементов объективной и субъективной теории исполнения в определении понятия исполнителя преступления.* Уголовная ответственность исполнителя должна строиться на основе последовательного соблюдения положений объективной теории, описывающей исключительно его функциональную роль при совершении преступления. В связи с этим субъективная заинтересованность исполнителя в результатах преступления и наличие у исполнителя признаков субъекта преступления не должны рассматриваться в качестве его обязательных общих характеристик. Исполнителем следует признавать соучастника преступления, который лично или посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности, непосредственно совершает или совместно с иными соисполнителями участвует в совершении действия или бездействия, составляющего элемент объективной стороны преступления.

2. *Содержание функциональной роли исполнителя, заключающееся в физическом выполнении деяния и интеллектуальном господстве над деянием.* Предложенное понимание исполнительства предполагает:

- отказ от практики квалификации действий всех участников организованных преступных групп как исполнительских и обязательное определение их функциональной роли при совершении преступления;

- признание лица, осуществляющего руководство исполнением преступления, вне зависимости от формы соучастия, исполнителем, а не организатором;

- включение в содержание объективной стороны преступления не только действий, прямо описанных в статье Особенной части УК РФ, но и иных деяний, непосредственно направленных на совершение преступления, и отграничение на этой основе исполнителей, «непосредственно участвующих в совершении преступления», от пособников.

3. *Соотношение объема исполнительских действий и действий иных соучастников.* С точки зрения уголовно-правового учения о видах соучастников и с позиции уголовно-процессуального учения об объеме и пределах обвинения, поведение организатора, подстрекателя или пособника не является изначально включенным в обвинение исполнителя, не является частью его действий. В связи с

этим существующая практика квалификации действий исполнителя, который выполняет в преступлении также функции организатора подстрекателя или пособника, только как исполнительства, должна быть пересмотрена. В такой ситуации теоретически обоснована необходимость делать ссылки на все требуемые части ст. 33 УК РФ. Только при этом условии возможная в суде переквалификация содеянного с исполнительства на иные виды действий соучастника будет соответствовать принципу законности и процессуальным гарантиям права обвиняемого на защиту.

4. Роль и значение поведения исполнителя преступления для обоснования и ограничения акцессорных начал в концепции соучастия Акцессорность соучастия обязательно требует преступного поведения исполнителя, но не предполагает с необходимостью предъявление исполнителю обвинения или реализации его ответственности. Исходя из этого, соучастие не создается, если деяние исполнителя совершается при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, обладает признаками малозначительности, не содержит ни признаков состава преступления, ради которого совместно действовали соучастники, ни признаков какого-либо иного состава преступления. Если исполнитель или соисполнители преступления не установлены, если в отношении одного их соисполнителей вынесен оправдательный приговор суда, действия иных лиц, привлеченных по делу в качестве организаторов, подстрекателей или пособников, могут быть квалифицированы по правилам соучастия, исходя из презумпции наличия подлежащего ответственности исполнителя преступления. В тоже время соучастие отсутствует, если оправдательный приговор постановляется в отношении единственного исполнителя в связи с неустановлением самого события преступления или непричастностью его к совершению преступления.

5. Уголовно-правовая характеристика такого вида исполнительских действий, как «непосредственное совершение преступления». Она включает в себя два основных признака: «личное выполнение» и «деяние, образующее элемент объективной стороны». «Личное выполнение деяния» охватывает собой ситуации, в которых исполнитель самостоятельно, своими физическими силами либо с использованием каких-либо орудий и средств выполняет деяние, обладая при этом

признаками, которые согласно закону, характеризуют его в качестве субъекта преступления. Признак личного выполнения деяния не исключает возможности признания исполнителем лица, которое не выполняя объективной стороны преступления физически, осуществляет интеллектуальное руководство исполнением преступления. «Непосредственное исполнение» требует такой степени выполнения деяния (действия или бездействия), которая может расцениваться как покушение на преступление (в силу чего на этапе приготовления соучастия не создается), при том неременном условии, что имеется двусторонняя субъективная связь между исполнителем и иными соучастниками.

6. Особенности деяния, причинной связи и вины соисполнителей. Два или более соисполнителей могут выполнять свои действия полностью одновременно, частично совпадая во времени или последовательно, в том числе с разрывом во времени. Независимо от величины «вклада» каждого соисполнителя в «общее дело» наступления преступных последствий и конкретного содержания действия или бездействия, их совместное поведение является единым деянием, образующим элемент объективной стороны общего для них преступления, а потому при квалификации соисполнительства надо устанавливать причинную связь не между отдельными поведенческими актами соисполнителей и последствием, а между совокупным деянием всех соисполнителей и общим для них результатом. Обязательным условием квалификации содеянного как соисполнительства выступает общность вины и взаимная осведомленность о преступной деятельности.

7. Необходимость корректировки признаков посредственного исполнения. При совершенствовании института посредственного исполнения целесообразно использовать идею господства посредственного исполнителя над волей исполнителя фактического, при котором последний не обязательно выступает в качестве невиновного агента. Исходя из этого появляется возможность признания посредственными исполнителями лиц, которые используют в целях совершения преступлений фактических исполнителей, введенных в заблуждение относительно обстоятельств совершаемого поступка, при котором не исключается их ответственность за содеянное (в частности, в ситуации мнимой обороны, при ошибке в объекте, при неосторожном исполнении преступления).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что совокупность представленных в нем выводов и положений развивает сложившееся учение о соучастии в преступлении за счет корректировки понятия и признаков исполнителя, уточнения и расширения границ исполнительских действий, функциональной классификации исполнителей, уточнения правил квалификации действий исполнителей и отграничения их от действий иных соучастников.

Практическое значение диссертации состоит в аргументации возможных направлений перспективного совершенствования законодательного понятия исполнителя преступления; в разработке ориентированных на актуальные потребности практики рекомендаций по квалификации действий исполнителей преступления; в возможности использования материалов диссертации и опубликованных научных работ в учебном процессе реализации основных образовательных программ подготовки бакалавров и магистров по направлению «Юриспруденция», а также в системе обучения и повышения квалификации судей и сотрудников правоохранительных органов.

Апробация результатов диссертации. Основные положения диссертации нашли отражение в 13 научных публикациях, в том числе в 5 статьях, размещенных в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Основные выводы исследования докладывались на ряде научных форумов, в том числе, на VIII Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и правоприменительная практика» (СПб., 30.10.2020), I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности» (Пятигорск, 8-9.06.2020), региональном круглом столе «Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты противодействия современной преступности (Ставрополь, 29.03.2020), Научно-методических чтениях Пятигорского государственного университета (2019, 2020 годы), VI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (М., 21.11.2018). Материалы диссертации использованы в научно-исследовательской работе Центра исследований проблем правосудия РГУП при выполнении научно-исследовательской работы по государственному заданию в 2018 году на тему «Соучастие в

преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания». Теоретические результаты работы внедрены в учебный процесс кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия и кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебной-экспертной деятельности Юридического института Пятигорского государственного университета. Прикладные рекомендации, сформулированные в работе, используются в практической деятельности судей Ставропольского краевого суда и Ростовского областного суда.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих шесть параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается выбор темы и предмет исследования, формулируются его цели и задачи, дается описание методологической основы работы, характеристика теоретических, правовых и эмпирических источников диссертации, определяются основные положения, выносимые на защиту, доказываются их научная новизна и теоретико-прикладное значение, приводятся сведения об апробации результатов работы.

Глава I «Общая характеристика исполнителя преступления по российскому уголовному праву» посвящена анализу нормативных и доктринальных подходов к определению понятия исполнителя.

В § 1 **«Понятие и признаки исполнителя преступления»** установлен общий подход к пониманию исполнителя, согласно которому исполнитель, обладая нормативно установленными признаками субъекта, выполняет объективную сторону преступления.

Вместе с тем, в работе доказываются, что обладание признаками субъекта преступления не является специфической характеристикой исполнителя. Наличие таких признаков предопределяет способность лица претерпеть последствия, связанные с реализацией уголовной ответственности, но никак не связано с самим фактом исполнительства. Субъект преступления может быть исполнителем или не быть им в той же степени, в какой исполнитель может обладать признаками субъекта

преступления или же не обладать ими. А потому признание лица исполнителем должно увязываться не с фактом наличия у него признаков субъекта преступления, а с теми конкретными действиями, которые оно совершает.

Сами эти действия состоят в «выполнении объективной стороны состава преступления. Вместе с тем, на практике допускается признание исполнителем лиц, которые не выполняли непосредственно объективной стороны преступления. Среди них: участники организованной группы и лица, которые выполняют действия, непосредственно не описанные в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

Правила признания участников организованной группы исполнителями распространяется только на самих участников, то есть лиц, которые участвуют в разработке или реализации общих планов функционирования группы, включая планы по совершению конкретных преступлений. Лицо, принимающее в организованной группе решение о совершении преступления, признается его исполнителем даже в том случае, когда оно не участвовало в исполнении объективной стороны; лицо, не принимавшее решения о совершении преступления, но внесшее определенный вклад в реализацию этого решения, также признается исполнителем, независимо от величины и значимости этого вклада.

Однако эти правила не являются универсальными. Руководитель организованной группы признается исполнителем преступления посредством использования доктрины «психического господства» над деянием; тогда как лицо, принявшее решение о совершении преступления в иных формах соучастия, - остается организатором, а не исполнителем, в силу требований объективной доктрины. Помимо этого, для признания рядовых участников организованной группы исполнителями используется учение о выполнении объективной стороны, дополненное субъективной теорией принятия деяния как своего собственного; тогда как для всех иных лиц – сугубо объективное учение о непосредственном выполнении объективной стороны состава преступления.

Это вносит рассогласованность в практику. Поскольку российское законодательство обособило фигуру организатора и определило круг выполняемых им действий, на практике отсутствует потребность в специальном обосновании ответственности организатора через использование конструкции исполнителя

преступления. Это правило, которое признается безусловным для «сложного соучастия» и группы лиц по предварительному сговору, имеет единственное исключение – для оценки действий организаторов организованных преступных групп. Такое исключение представляется малооправданным. Для последовательного соблюдения объективного подхода к вычленению фигуры исполнителя целесообразно отказаться от практики признания организаторов организованных преступных групп исполнителями совершаемых группой преступлений. Равным образом рядовых участников организованных групп следует признавать исполнителями преступления лишь в том случае, когда они непосредственно участвуют в выполнении объективной стороны состава преступления.

При исследовании вопроса о том, что считать выполнением объективной стороны состава, отмечается, что это, прежде всего, выполнение деяния, описанного в диспозиции статьи Особенной части УК РФ. При этом вопрос о признании лица исполнителем во многом является вопросом толкования содержания и границ объективной стороны преступления. Учитывая, что в состав общественно опасного деяния зачастую включаются действия, непосредственно не указанные в диспозиции либо не причинившие последствий, но лишь направленные на причинение вреда, аргументирована возможность рецепции англо-американской доктрины деления всех исполнителей на исполнителей первой степени (те, что непосредственно выполнили деяние, описанное в диспозиции статьи закона) и исполнителей второй степени. Исполнитель второй степени, в отличие от пособника, непосредственно совершает преступление, а в отличие от исполнителя первой степени, не совершает, но непосредственно участвует в совершении общественно опасного действия (бездействия), в том числе выполняет часть таких действий, оказывает непосредственное содействие в их совершении во время и на месте совершения преступления, выполняет технические операции в процессе исполнения деяния и т.д.

В § 2 «Отграничение исполнителя от иных соучастников преступления» разрешается комплекс вопросов, связанных с разграничением видов соучастников.

1) Организатор выполняет, среди прочего, два принципиально различных вида действий: «организует преступление» и «руководит его исполнением». Организация преступления хронологически и содержательно предшествует исполнению

преступления. В отличие от этого, руководство исполнением преступления предполагает активность организатора непосредственно в тот момент, когда исполнитель выполняет объективную сторону преступления. Оно может состоять в определении содержания и последовательности действия, отдаче команд и распоряжений, консультировании, контроле и т.д. В диссертации аргументируется необходимость признать лицо, осуществляющее руководство исполнением преступления именно исполнителем, а не организатором. Единственное уточнение состоит в том, что такие действия являются зависимыми от действий фактического исполнителя, в силу акцессорной природы соучастия. Они могут признаваться исполнительскими при условии, что физический исполнитель непосредственно приступил к исполнению объективной стороны преступления.

2. Пособничество в виде предоставления орудий совершения преступления, высказанного заранее обещания скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а также обещания приобрести или сбыть такие предметы, ни при каких обстоятельствах объективно не может претендовать на статус действий исполнителя. В некоторых случаях такие действия могут составлять исполнение какого-либо иного преступления.

Интеллектуальное пособничество – советы, указания, предоставление информации, во-первых, надо отличать от подстрекательства (по моменту совершения действий), во-вторых, от организаторства (они соотносятся как часть и целое), и, в-третьих, от исполнительства. Отличие от исполнительства надо проводить в зависимости от того, насколько эти советы и указания имели определяющий, решающий характер; оставались ли они просто предоставлением информации или же поднялись на уровень интеллектуального руководства исполнением преступления, что можно приравнять к интеллектуальному участию в совершении общественно опасного деяния.

Физическое пособничество – устранение препятствий в совершении преступления – надо отличать от исполнения, когда они совершаются непосредственно во время выполнения объективной стороны исполнителем, если они

не составляют части этой объективной стороны, обособленной хронологически или содержательно, не составляют участия в исполнении преступления.

3. Отграничение исполнительства от подстрекательства, как правило, не возникает в судебной практике ввиду принципиального различия в этих деяниях.

4. Особо рассмотрен вопрос о соотношении исполнительства с действиями иных соучастников в свете учения о пределах обвинения. Поскольку выполнение в преступлении, наряду с функциями организатора, подстрекателя или пособника, еще и функции исполнителя требует квалификации содеянного только как исполнения преступления, возникает вопрос о том, можно ли рассматривать действия исполнителя как охватывающие собой действия иных соучастников, и допустимо ли в суде, при недоказанности обвинения в исполнении преступления, переqualифицировать содеянное подсудимым на статьи об ответственности иных соучастников. Не оспаривая такой возможности по существу, с учетом позиции Европейского Суда по правам человека, в работе уточняется:

1. Действия организаторов, подстрекателей и пособников не являются частью действий исполнителя. Следовательно, переqualификация с исполнительства на соучастие не может рассматриваться как уменьшение объема обвинения, которое ставит подсудимого в более благоприятное положение. Для того, чтобы иметь возможность переqualифицировать содеянное с исполнения на иные соучастные действия, эти иные действия должны быть установлены следствием, доказаны и описаны в обвинительном заключении. Если же действия по организации, подстрекательству, пособничеству не описаны в обвинительном заключении, суд в случае, когда он установит отсутствие факта исполнения, но наличие иной роли соучастника, по своей инициативе не вправе изменить квалификацию содеянного, поскольку обвинение в соучастии не предъявлялось.

2. Поскольку действия соучастников не являются частью действий исполнителя, сложившаяся практика «поглощения» иных функций исполнительством должна быть оспорена. Если лицо выполняет в преступлении несколько функций, каждая из них должна найти отражение в формуле квалификации совершенного им деяния. В этом случае, непризнание судом факта исполнения

преступления будет влечь за собой исключение из обвинения ссылки на ч. 2 ст. 33 УК РФ и сохранение ссылки на иные части этой уголовно-правовой нормы.

В § 3 «Исполнитель преступления: пределы акцессорности соучастия и самостоятельной ответственности» отмечается, что в российском праве соучастие основано на принципе акцессорности с рядом ограничений, вытекающих из доктрины самостоятельной ответственности соучастников. Обязательным условием соучастия является сам факт совершения преступления исполнителем, но не сам исполнитель, который по разным причинам может и не предстать перед судом.

Поведение исполнителя должно обладать признаком уголовной противоправности и создавать для него основание уголовной ответственности. Но оно не обязательно должно влечь за собой реализацию уголовной ответственности исполнителя. Исходя из того, на признание соучастия не влияет освобождение исполнителя от уголовной ответственности; прекращение в отношении исполнителя уголовного преследования в связи со смертью; непривлечение исполнителя или соисполнителя к уголовной ответственности.

Наряду с отмеченными, выделяется еще два, подтверждающих начала акцессорности, обстоятельства.

Первое – истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности. Время совершения преступления в соучастии устанавливается по моменту совершения деяния исполнителем. А потому, истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности следует начинать также с момента действий исполнителя. Если подстрекатель или организатор выполняют свою роль задолго до конкретных действий исполнителя, а пособник выполняет согласованные и заранее обещанные действия после того, как исполнитель совершит преступление, то вне действий самого исполнителя, их поведение еще не есть соучастие в преступлении. Это не означает неприступности их поведения. При отсутствии исполнительских действий содеянное иными соучастниками может быть квалифицировано как приготовление к преступлению. В этом случае время выполнения приготовления будет определяться, исходя из времени совершения конкретных действий несостоявшимися соучастниками, а не исходя из предполагаемого времени действия исполнителя.

Второе – декриминализация. Если деяние, задуманное соучастниками, было декриминализовано до момента начала действий исполнителя преступления, то все содеянное не рассматривается как преступление. Если же декриминализация совершенного в соучастии преступления произведена после совершения деяния исполнителем, то такое законодательное решение не отменяет преступности деяния на момент его совершения. Поэтому прекращение в связи с декриминализацией деяния уголовного дела (уголовного преследования) в отношении исполнителя преступления с необходимостью будет требовать и прекращения дела в отношении иных соучастников.

Единство совершаемого соучастниками преступления не исключает того, что в поведении каждого из них содержится свой, самостоятельный состав преступления. Но эта самостоятельность оснований ответственности также ограничена учением об акцессорности. Соучастие не создается, если деяние исполнителя не содержит состава преступления. В частности, если: деяние исполнителя совершается при обстоятельствах, исключающих преступность деяния; деяние исполнителя содержит признаки малозначительности; деяние не содержит ни признаков состава преступления, ради которого совместно действовали соучастники, ни признаков какого-либо иного состава преступления.

Особое место в ряду обстоятельств, отражающих акцессорность соучастия, занимает постановление в отношении исполнителя преступления оправдательного приговора суда. Правовые последствия оправдания исполнителя для иных соучастников будут различны, в зависимости от основания оправдания:

- если оправдательный приговор постановляется в связи с неустановлением самого события преступления, все остальные соучастники также должны быть оправданы;

- если исполнитель оправдан в связи с отсутствием в его деянии состава преступления, то в зависимости от конкретных факторов, детерминирующих отсутствие состава, иные соучастники могут быть либо оправданы (например, при отсутствии вины или объекта посягательства), либо они могут нести ответственность за иное преступление без признаков соучастия (например, за приготовление к преступлению в ситуации добровольного отказа исполнителя);

- если исполнитель признан непричастным к совершению преступления или невиновным, вопрос об ответственности иных соучастников должен решаться в зависимости от того, какое обвинение было им предъявлено. Если из обвинения следует, что лица совершили преступление в соучастии только с одним единственным исполнителем, который оказался непричастен к преступлению, то иные соучастники не могут быть признаны виновными в преступлении. В зависимости от ситуации в данном случае требуется либо вынесение в отношении них также оправдательного приговора, либо же дело в отношении таких соучастников должно быть возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий к его рассмотрению по существу. Если же в материалах дела имеется информация о том, что преступление могло быть исполнено также иным лицом (соисполнителем оправданного), которое по тем или иным причинам не привлечено к уголовной ответственности, препятствий к признанию их виновными в соучастии в преступлении не имеется.

Правовая оценка действий исполнителя также непосредственно влияет на квалификацию содеянного иными соучастниками. Акцессорность в квалификации, между тем, не является абсолютной. Расхождение в квалификации в ряде случаев обусловлено наличием на стороне исполнителя некоторых влияющих на квалификацию обстоятельств, которые носят личный характер. Среди них – наличие у исполнителя особой цели или мотива, имеющих квалификационное значение, административная преюдиция и судимость. В диссертации разработаны правила квалификации при наличии этих признаков.

Акцессорность ограничивается также при эксцессе. В частности:

- когда исполнитель совершает принципиально иное (разнородное) преступление, которое не охватывалось умыслом соучастников, он несет ответственность за это преступление самостоятельно, иные соучастники за это преступление ответственности не подлежат;

- когда исполнитель выходит за пределы умысла соучастников и совершает более тяжкое однородное преступление, он несет ответственность за содеянное им лично, а иные соучастники – либо за приготовление к менее тяжкому преступлению,

либо за оконченное преступление, выполненное исполнителем, но без вменения квалифицирующих признаков;

- при качественном эксцессе исполнителя в «меньшую сторону», иные соучастники должны отвечать за соучастие в фактически исполненном преступлении;

- в преступлениях с двумя формами вины соучастие ограничено умышленными действиями, а потому лица, субъективно и объективно не связанные с неосторожно наступившими последствиями, не могут нести за них уголовную ответственность.

Глава II «Уголовно-правовая квалификация исполнения преступления» посвящена исследованию проблем уголовно-правовой оценки действий исполнителей, исходя из их нормативной градации на виды в ч. 2 ст. 33 УК РФ.

В § 1 «Непосредственное совершение преступления» установлена суть этого вида исполнительства: исполнитель этот тот, кто совершает уголовно наказуемое деяние лично.

От исполнителя требуется конкретный поведенческий акт. В силу этого:

- в отсутствие совместного деяния как внешнего факта действительности отсутствует основание уголовной ответственности исполнителя за преступление в соучастии;

- если поведенческий акт (действие или бездействие) не укладывается в границы объективной стороны состава преступления, он не может быть признан исполнением;

- если поведенческий акт лица не выражает субъективных признаков соучастия, он не может быть признан исполнительским; выполнение деяния, составляющего объективную сторону преступления, должно совершаться с осознанием того, что оно является частью «общего дела» соучастников;

- деяние как объективный факт имеет свои начальную и финальную точку, за которыми ни самого этого деяния, ни соучастия в нем не существует; в диссертации приводятся дополнительные аргументы в пользу позиции, отрицающей возможность соучастия на стадии приготовления;

- поведенческий акт, связанный с совместным совершением преступления, должен быть именно исполнением, а не иной формой участия в преступлении.

При непосредственном исполнении преступления поведенческий акт исполнителя совершается им лично. Термин «личное» охватывает собой ситуации, в которых исполнитель самостоятельно, своими физическими, интеллектуальными силами либо с использованием каких-либо орудий и средств выполняет деяние, составляющее элемент объективной стороны преступления, обладая при этом признаками и свойствами, которые согласно закону, характеризуют его именно как исполнителя преступления. При этом:

- признак личного выполнения деяния не является эксклюзивной прерогативой лишь непосредственного исполнительства, в ряде случаев он присущ и соисполнителям преступления;

- признак использования орудий и средств применительно к исполнителю не обладает какой-либо спецификой по сравнению с аналогичным признаком, характеризующим деяние индивидуального субъекта;

- самостоятельный характер деяния исполнителя надо понимать таким образом, что исполнитель действует с осознанием смысла происходящего и в собственной воле, не является сам «орудием» иного субъекта;

- непосредственный исполнитель должен отвечать специальным (личным) условиям наказуемости.

Особые личные свойства исполнителя могут характеризовать только его личность (и в этом случае они не могут служить основанием установления или дифференциации уголовной ответственности, хотя и влияют на наказание лица) либо же они могут составлять необходимый элемент механизма совершения преступления (в этом случае они указываются в качестве признаков специального субъекта). В диссертации формулируются следующие правила оценки соучастия в преступлениях со специальным субъектом:

- если никто из соучастников не обладает статусом специального субъекта и все они осознают это обстоятельство, используя видимость наличия специального признака для облегчения совершения преступления, то согласно ст. 8 УК РФ, отсутствуют основания для привлечения таких лиц к уголовной ответственности за преступление со специальным субъектом; действия виновных, включая исполнителя,

могут быть квалифицированы в соответствии с признаками состава того «общеуголовного» преступления, которые они содержат;

- если объективную сторону преступления выполняет общий субъект, но под руководством лица, обладающего специальными признаками, специальный субъект должен признаваться исполнителем преступления в силу того, что выполняет интеллектуальную составляющую деяния и отвечает личным условиям наказуемости, выполняя деяние в этой части лично, при этом несоответствие условиям личной наказуемости превращает лицо, физически выполнявшее деяние, в пособника преступления со специальным субъектом;

- в преступлениях с альтернативными признаками объективной стороны соисполнителями признаются лица, выполнявшие любое из альтернативных действий, следовательно, лицо, не обладающее специальным статусом, и лицо, использующее свое служебное положение, если они действуют в рамках единого преступного плана и совершают каждый самостоятельно любое из альтернативных действий, составляющих преступление, должны признаваться соисполнителями преступления, которое следует квалифицировать и за которое следует назначать наказание с учетом признака «группа лиц»;

- если объективную сторону преступления со специальным субъектом выполняют специальный и общий субъект совместно, неспециальный субъект не может признаваться его исполнителем или соисполнителем, но только пособником.

В § 2 «Участие в совершении преступления совместно с другими лицами (соисполнение преступления)» установлено, что два или более соисполнителей, выполняя объективную сторону состава преступления, действуют фактически как один субъект, объединяя свои вклады в дело причинения преступных последствий. При этом независимо от величины «вклада» и конкретного содержания действий каждого из соисполнителей, если эти действия являются в своей совокупности деянием, образующим элемент объективной стороны преступления, и совершены совместно, при квалификации соисполнительства надо устанавливать причинную связь между совокупным деянием всех соисполнителей и общим для них результатом. Из этого тезиса вытекает ряд значимых правил:

- одновременно совершаемые действия нескольких лиц, направленные на причинение вреда, могут рассматриваться в качестве отдельных вкладов соисполнителей в «общее дело» при условии, что поведение этих лиц связано единым умыслом (в противном случае содеянное должно рассматриваться согласно правил о «параллельном исполнительстве»);

- действия нескольких лиц, хотя объективно и составляющие исполнение деяния, могут рассматриваться как соисполнительство при условии, что они образуют причину наступившего последствия, лишь взятые вместе; если деяние одного из исполнителей было выполнено после наступления последствия, оно не может образовывать часть причины этого последствия;

- поскольку действия соисполнителей, объединенные общим умыслом, образуют единую причину наступления общественно опасного последствия, особенности поведения каждого из соисполнителей должны быть в полной мере учтены при квалификации действий каждого из них;

- соисполнительство не исключается в ситуациях, когда кто-либо из лиц, выполняющих объективную сторону состава преступления, не обладает признаками субъекта преступления.

Отдельно рассмотрен вопрос о квалификации присоединяющейся деятельности. Установлены следующие правила:

- присоединяющаяся деятельность лица охватывается соучастием, если присоединение состоялось до завершения объективной стороны преступления;

- соисполнительство в ситуации присоединяющейся деятельности не предполагает с необходимостью, что действия соисполнителей совершаются одновременно, что деяние (или его часть) всегда в какой-то момент времени выполняется двумя или более лицами. Не исключены ситуации, когда с момента присоединения действий второго исполнителя первый уже не совершит более каких-либо действий. Однако если каждый из них действовал с едиными намерениями и целями, и если наступившее общественно опасное последствие находится в причинной связи с совокупными действиями обоих лиц, каждый из них должен признаваться соисполнителем. Выполняемые «встык» действия двух лиц требуют самостоятельной оценки и не создают соучастия, если поведение этих лиц

преследовало различные цели либо если в поведении первого исполнителя, прекратившего свои действия с момента присоединения второго, будут установлены признаки добровольного отказа от преступления;

- при оценке содеянного как присоединяющегося соисполнительства решающее значение имеет объем осознания каждым из действующих лиц содеянного иным соисполнителем: если присоединяющийся субъект не осознавал значимых признаков деяния, совершенного инициатором преступления, то эти признаки не могут быть ему вменены; равным образом, если первый субъект (инициатор), прекративший свое участие в преступлении с момента присоединения второго исполнителя, не осознает признаков, характеризующих поведение последнего, они не могут быть ему вменены.

В § 3 «Совершение преступления посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности (посредственное причинение)» установлено, что посредственное причинение представляет собой своеобразное выполнение объективной стороны состава преступления, при котором в качестве инструмента преступления используется человек. При этом посредственный исполнитель не принимает личного участия в выполнении объективной стороны, не совершает ни одного из действий, ее образующих. Если же в выполнении объективной стороны преступления принимали участие оба лица – подлежащий ответственности посредственный причинитель и не подлежащий ответственности фактический исполнитель – содеянное должно рассматриваться одновременно и как посредственное исполнение, и как соисполнение.

Применение нормы о посредственном исполнении требует уяснения двух значимых взаимосвязанных обстоятельств: об основаниях, в силу которых фактический исполнитель не подлежит уголовной ответственности, и о характере господства посредственного исполнителя над поведением исполнителя фактического.

Отсутствие ответственности фактического причинителя должно восприниматься не как результат работы правоохранительной системы или действия правовых ограничений; оно продиктовано отсутствием основания и условий для привлечения фактического исполнителя к уголовной ответственности. Критерии отсутствия ответственности должны принадлежать области субъективных признаков

– то есть субъекта и его вины. В диссертации доказывается, что посредственное причинение не всегда предполагает полное отсутствие вину у фактического исполнителя. При наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, в ситуации ошибки и при использовании неосторожно действующего субъекта посредственное причинение возможно и при наличии вину у фактического исполнителя. Тот факт, что здесь за фактическим исполнителем «стоит» еще и посредственный исполнитель, то есть имеется два сознательно действующих лица, разумеется, не укладывается в границы существующей редакции ч. 2 ст. 33 УК РФ и требует ее корректировки.

«Господство» посредственного причинителя над действиями фактического исполнителя заключается не в том, что уголовно ответственное лицо осуществляет психическое господство над самим деянием, а в том, что такое лицо господствует над волей фактического причинителя вреда. Несвободная воля фактического причинителя вреда не всегда означает, что он действует без осознания качества своих поступков, без возможности распоряжаться своим поведением и без вины. Связь между пониманием объема понятия «свободная воля» и границами посредственного исполнения – прямая: чем уже границы свободы воли, тем шире границы посредственного причинения. «Свободной волей» стоит признавать такое поведение фактического исполнителя, которое осуществляется с полным осознанием не только характера и степени опасности совершаемого деяния, но и с полным осознанием характера связи действий фактического исполнителя с действиями исполнителя посредственного. Если фактический исполнитель понимает, что именно и совместно с кем именно он совершает, если он осознает общность и совместность своих действий и действий иного лица, - такой исполнитель не может рассматриваться как «орудие» в руках посредственного исполнителя. Если же какие-то обстоятельства совершаемого деяния скрыты от сознания фактического исполнителя, то именно в этой части его поведение не является свободным в полной мере. Соответственно, фактический исполнитель может быть «орудием» иного лица лишь в определенной части, в той части, где посредственный причинитель использует неведение такого исполнителя и его неспособность отдавать отчет.

Отдельному рассмотрению подвергнут вопрос о посредственном причинении в преступлениях со специальным субъектом. Установлены следующие ситуации и правила их уголовно-правовой оценки:

- если объективная сторона преступления со специальным субъектом совершается надлежащим специальным субъектом, не осознающим противоправный характер своего поведения, все выгоды от которого получает иницирующий и использующий его неспециальный субъект, деятельность «частного» лица не может получить оценки в рамках института соучастия, но должна быть оценена законодателем как отдельное самостоятельное преступление;

- если объективная сторона преступления со специальным субъектом выполняется лицом, не обладающим признаками, описанными в составе преступления, но при иницировании и в интересах лица, таковыми признаками обладающими, содеянное частным лицом квалифицируется либо по отдельной статье закона (при наличии), либо как соучастие в преступлении со специальным субъектом.

В **Заключении** приведены итоги исследования, отражающие новизну сформулированных в нем выводов и положений.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

I. В рецензируемых научных изданиях, рекомендованных

Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Украинчик, А.В. Основания акцессорности в российской конструкции соучастия / А.В. Украинчик // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4. – С. 120 – 126 (0,63 п.л.);

2. Украинчик, А.В. Понятие и признаки исполнителя преступления / А.В. Украинчик // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Humanities, Social-Economic and Social Sciences. – 2020. – № 9. – С. 161 – 168 (0,9 п.л.);

3. Украинчик, А.В. Исполнитель как лицо, непосредственно совершающее преступление / А.В. Украинчик // Российское правосудие. – 2019. – № 7. – С. 69 – 76 (0,60 п.л.);

4. Украинчик, А.В. Отграничение исполнителя от организатора преступления / А.В. Украинчик // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 4 . – С. 173 – 177 (0,50 п.л.);

5. Украинчик, А.В. Исполнитель и пособник: критерии разграничения действий соучастников / А.В. Украинчик // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Humanities, Social-Economic and Social Sciences. – 2018. – №12 . – С. 189 – 193 (0,49 п.л.);

II. В иных научных изданиях:

6. Украинчик, А.В. Посредственное причинение. Некоторые вопросы теории. / Н.М. Селезнева, А.В. Украинчик // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. – Пятигорск: Пятигорск. гос. ун-т, 2020. – С. 164 – 173 (0,6 п.л.);

7. Украинчик, А.В. Соисполнительство в преступлении: вопросы толкования и квалификации / А.В. Украинчик // Толкование и конкретизация права: проблемы теории и практики: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, магистрантов и молодых ученых. – М.: РГУП, 2020. – С. (0,3 п.л.);

8. Украинчик, А.В. Исполнитель преступления: вопросы теории и практики в свете различных форм соучастия / А.В. Украинчик // Уголовная политика и правоприменительная практика Материалы VIII Международной научно-практической конференции. – СПб.: СЗФ РГУП, 2020. – С. 503 – 509 (0,4 п.л.);

9. Украинчик, А.В. Совершение преступления соисполнителями в соучастии со специальным субъектом / А.В. Украинчик // Университетские чтения-2020. Материалы научно-методических чтений Пятигорского государственного университета. – Пятигорск: Пятигорск. гос. ун-т, 2020. – С. 123 – 127 (0,35 п.л.);

10. Украинчик, А.В. Соотношение исполнительства с действиями иных соучастников в свете вопроса о пределах обвинения / А.В. Украинчик // Университетские чтения-2019. Материалы научно-методических чтений Пятигорского государственного университета. – Пятигорск: Пятигорск. гос. ун-т, 2019. – С. 90 – 96 (0,35 п.л.);

11. Украинчик, А.В. Пределы акцессорности: проблема вменения соучастникам признаков, характеризующих поведение и личность исполнителя преступления / А.В. Украинчик // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты противодействия современной преступности: сборник научных статей по результатам Регионального круглого стола / под ред. А.Д. Аветисяна, Н.В. Бушной, И.Л. Мармута, Л.В. Медведицковой, А.А. Отарова, А.А. Рясова, И.А.Уварова. – Ставрополь: ООО «Секвойя», 2019. – С. 304 – 308 (0,77 п.л.);

12. Украинчик, А.В. Исполнитель преступления: пределы акцессорности соучастия и самостоятельной ответственности / А.А. Украинчик // Соучастие в преступлении: Проблемы квалификации и назначения наказания: монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2019. – С. 107 – 136 (1,4 п.л.);

13. Украинчик, А.В. Оценка посредственного причинения при наличии ошибки / А.В. Украинчик // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов Шестой Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А.В. Бриллиантова, С.В. Склярова. – М.: РГУП, 2019. – С. 341 – 346 (0,4 п.л.).